

М. С. АНДРЕЕВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
обзор книги «Таджики долины Хуф»

Отдел культурного наследия и гуманитарных наук

Научный доклад №9

М. С. АНДРЕЕВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:

обзор книги «Таджики долины Хуф»

Сайнак Сайнаков

к. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан

Абстракт

В данной статье освещается содержание двухтомника знаменитого русско-советского этнографа Михаила Степановича Андреева «Таджики долины Хуф». Автор отмечает, что научное наследие М.С. Андреева является бесценной этнографической сокровищницей, ключом к изучению жизни древних таджиков, оно может служить даже и научным подспорьем при изучении этнографии соседних с таджиками народов. Работа М. С. Андреева сообщает и напоминает нам об удивительной культуре жителей высокогорного края, адаптирующихся к этой суровой, но прекрасной по своему, природе. Книга сообщает нам об уникальных методах и особенностях земледелия, скотоводства, торговли, охоты, промысла, добывание железа, изготовление бумаги, составе пищи, структуры домов таджиков Памира, утвари, одежде и costume горцев, традиционном календаре и счете времени, информирует нынешнее и завтрашнее поколение об играх, жизни на летовках, традиционных праздниках, легендах, сказках и наследия, касающегося материальной и духовной культуры таджикского народа. Книга имеет этнографический и антропологический словарь, который может раскрыть много вопросов в востоковедческой науке в целом.

Ключевые слова: М.С. Андреев, Россия, Таджикистан, Рушан, Хуф, таджики, этнография, этнология, антропология.

Информация об авторе

Сайнак Парпишоевич Сайнаков является заведующим кафедрой всеобщей истории Таджикского Государственного Педагогического Университета (ТГПУ) имени С. Айни и ведущим научным сотрудником отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Национальной Академии наук Республики Таджикистан. Он автор более 50 научных, учебно-методических работ по этнографии и истории Памире/Бадахшана. Тема его пост-докторского исследования «История государства Аршакидов (Парфии)», где на основе исторических источников рассматривается история, причины и последствия одного из величайших сражений при Каррах состоявшиеся между Парфией и Римом. С. Сайнаков является постоянным автором научно-популярного журнала «Муаррих» (Историк), издаваемый Министерством культуры Республики Таджикистан, Фондом культуры совместно и Институтом истории, археологии и этнографии НАН РТ, участником ряда международных конференции, организуемых таджикским отделением международного фонда культуры ЮНЕСКО, активно пропагандирует науку и достижения исторической науки Таджикистана среди широкого круга слушателей.

Отдел культурного наследия и гуманитарных наук ведет свою деятельность для сохранения и популяризации богатого и разнообразного культурного наследия народов Центральной Азии через проведение научных исследований, документирование, архивирование и оказание поддержки исследователям из региона.

Научные сотрудники отдела занимаются сбором и сохранением существующей информации и культурных знаний и налаживают новый диалог и предлагают новую интерпретацию культурного наследия и идентичности в Центральной Азии.

Отдел культурного наследия и гуманитарных наук входит в состав Высшей школы развития Университета Центральной Азии. Университет Центральной Азии был основан в 2000 году. Президенты Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, и Его Высочество Ага Хан подписали Международный Договор и Устав, учреждающие этот светский и частный университет; Договор и Устав ратифицированы парламентами стран и зарегистрированы в ООН.

Научные доклады Отдела культурного наследия и гуманитарных наук представляют собой серию рецензируемых исследований, издаваемых с целью расширить понимание социально-культурных и исторических процессов в Центральной Азии и внести вклад в международный академический дискурс по региональным вопросам.

Комментарии к публикации или вопросы по ее содержанию можно отправлять по адресу chhu@ucentralasia.org. Ссылаться на научный доклад можно без предварительного разрешения.

Редактор серии научных докладов: Эльмира Кочумкулова, заведующая Отделом культурного наследия и гуманитарных наук, доцент УЦА.

Фотография на обложке: *М. С. Андреев, фотография из книги «Таджики долины Хуф».*

Авторское право © 2020
Университет Центральной Азии
720001, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токтогула, 138

Тел.: +996 (312) 910 822
E-mail: chhu@ucentralasia.org

Содержание настоящего документа является исключительно предметом ответственности авторов и ни в коей мере не является отражением взглядов Университета Центральной Азии. Текст и данные настоящей публикации могут быть воспроизведены при условии указания источника следующим образом: Сайнаков С. (2020). М. С. Андреев в исторической перспективе: обзор книги «Таджики долины Хуф». Отдел культурного наследия и гуманитарных наук УЦА, Научный доклад №9, 24 с.

Написать о Михаиле Степановиче Андрееве и его трудах и легко, и трудно. Легко потому, что ему посвящены достаточно много научных статей, трудов и монографий. А трудно, потому что его вклад в истории и освящении культуры нашего народа и культуры народов, сопредельных с нами в эпоху больших перемен и потрясений огромен и его трудно, как подобает науке, достойно оценить. Можно сказать, что наряду с многочисленными ценностями для исторической и этнографической науки его труды, и труды других равных ему по значимости ученых, способствовали тому, что современные среднеазиатские таджики в новейшей фазе своей истории сумели бороться за восстановление былой национальной государственности.

Отметим, что после завоевания Средней Азии, научное изучение Памира усилилась в период усиления соперничества Англии и России, в особенности после присоединения основной долиной части Средней Азии к России. Проникая в пределы края, английские и русские учёные, преследуя порою свои, специфические государственные цели, и одновременно с этим также обогащали объём накопительного материала, на основе которого впоследствии создавались серьёзные труды по истории и этнографии таджикского народа. Оставленное им наследие в виде монографических трудов, статей, а также неопубликованных материалов являются незаменимыми источниками в процессе изучения истории, культуры и быта таджиков и других народов Центральной Азии.

Но среди них в области изучения этнографии таджикского народа, бесспорно, лидирует М. С. Андреев. В отличие от многих исследователей Центральной Азии, учёный родился в Средней Азии, владел таджикским (фарси) языком (в то время, официальный язык царствующих дворов Центральной и Индийского субконтинента), а также его говорами и был хорошим знатоком жизни, быта, ритуалов, обрядов и обычаев таджикского и других народов Азии. Собранные этнографические материалы М. С. Андреева бесспорно обогатили науку новыми фактами, но об этом сообщим позже.

Кем же был М. С. Андреев, где родился? О жизни его можно сказать следующее. Михаил Степанович Андреев родился 24 сентября 1873 году в Ташкенте, умер 10 ноября 1948 году в Душанбе. В 1883 г. окончил Ташкентскую учительскую семинарию, где также изучал персидско-таджикский и узбекский языки. Одновременно он учился в медресе Ишанкули Додхо, чтобы иметь хорошие знания арабского и исламской религии. После окончания семинарии

М. С. Андреев, 1915 г.
(Из личного архива Л. Додхудоевой).

до 1896 г. преподавал в Худжандском приходском училище и Ташкентской учительской семинарии. После окончания семинарии он начинает краеведческую работу, и первые его статьи уже видели свет в 90-е годы XIX столетия.

С 1896 году начинается и его дипломатическая деятельность. Он служил секретарем по особым поручениям А. А. Половцева, в Министерстве внутренних дел Российской империи с чиновником он совершил немало поездок по Средней Азии, Закавказью, побывал в Санкт-Петербурге, где знакомился с академиками С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, К. Г. Залеманом и В. В. Радловым. Так же в эти годы он с А. А. Половцевым работал во Франции (зима 1898–1899), где изучал французский язык, с 1905 году жил в Индии, где изучал урду и пушту. В 1911 г. М. С. Андреев был назначен и. о. руководителя российского консульства во французских колониях в Индии и Индокитае. В Индии также он выполнял поручение Российской Академии наук по приобретению экспонатов по быту, культуре и искусству Индии и при окончательном выезде из этой страны в 1914 г. передал в распоряжение Императорской Академии наук России 1000 экспонатов. По возвращению в Туркестанскую губернию в 1914–1918 гг. работал в должности инспектора народных училищ Худжандского и Джизакского уездов.

В 1918 г. был включен в состав инициативной группы по созданию Туркестанского восточного института и преподавал в нем ряд восточных языков и географию Афганистана. Он работал в должности ректора данного института с 1918 г. по 1920 г. В 1918–1920 гг. он занимает должность и. о. научного консультанта при специальном представительстве НКВД РФ по разграничению с Афганистаном. В дальнейшем участвовал в ряде научных экспедиций по Средней Азии.

Ходжент. М. С. Андреев среди учеников Приходского училища. 1914–1918 гг.
(Из личного архива Л. Додхудоевой).

После преобразования вышеназванного Института в Восточный факультет САГУ продолжил свою преподавательскую деятельность в САГУ. Одновременно с 1933 г. по 1940 г. работал в музее искусств Узбекистана. В 1940–1941 гг. являлся консультантом в Институте искусствознания Узбекистана, а с 1944 по 1947 гг. в Институте истории и археологии Академии наук Узбекской ССР возглавил работу коллектива этнографов. М. С. Андреев в этот период по совместительству работал и в научных учреждениях Таджикистана. С 1947 года окончательно переехал в Душанбе, где работал в Институте истории, языка и литературы Таджикского Филиала Академии наук СССР¹.

Таким образом, в первой половине XX века в изучении этнографии и лингвистики Памира – значительный вклад внёс знаменитый русский, советский востоковед, лингвист и этнограф М. С. Андреев, которому вряд ли кто-то равен по произведенным им исследованиям. За свои достижения он был избран член-корреспондентом Академии наук СССР (1929 г.), академиком АН Узбекской ССР (1943 г.), Заслуженным деятелем науки Таджикистана (1944 г.) и Узбекистана (1945 г.), стал основателем этнографического кабинета (впоследствии сектора) и музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук республики Таджикистан в 1947 году².

М. С. Андреев в дореволюционный период трижды (1902, 1903, 1907 гг.) посещал Памир и провел полевые исследования в Вахане, Ишкашине, долины Хуф Рушана, Язгулеме и в Хороге. В период первой поездки на Памир, он увлёкся изучением язгулемского языка и сделал запись его образцов.

В результате первой поездки на Памир он в одной из своих работ пишет, что регион как Кавказ, имеет свои различные этнографические особенности, где можно встретить различные диалекты отдельно в каждой долине, нравы и обычаи, даже можно легко заметить различия между двумя соседними деревнями³. Он был первым европейцем, проникшим в долину Хуф в 1907 г. Только за один день пребывания, он собрал материал по хуфскому диалекту рушанского языка. Изучение хуфского диалекта он начал еще в 1901 году при первой же встрече с одним из жителей этой долины в Ташкенте Гулям-ша (Гуломшо. – С. С.). Сам М. С. Андреев об этой встрече пишет, что иногда по моей личной просьбе из Коканда ко мне приходили горные таджики – каратегинцы, матчинцы и дарвазцы, которые имели свои собственные филологические и бытовые особенности. В один прекрасный день ко мне подошел один горный таджикский парень и представился рушанцем. В моей коллекции не хватало материалов по рушанскому языку, но во время беседы выяснилось, что парень был из неизвестной мне тогда долины Хуф Рушанского района, которая тогда не была указана на карте⁴. М. С. Андреев правильно отмечает, что жители названной долины разговаривают на особом рушанском диалекте. Таким образом, с этого дня ученый начал собирать материалы по рушанскому языку, жизни и быту таджиков долины Хуф. Собранные материалы по этнографии ваханцев и ишкашимцев он издал в 1911 году с соавторством А. А. Половцовым под названием «Материалы по этнографии иранских племён Средней Азии. Ишкашим и Вахан»⁵.

1 Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.). Душанбе, 2002. С. 55 – 57.

2 Додхудоева Лариса. Научное наследие А. А. Семенова и М. С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. С. 17.

3 Акрамов Н. М., Акрамова Х. Ф. М. С. Андреев – исследователь истории горных таджиков (на таджикском языке). Душанбе, 1977. – 56 с.

4 Андреев М. С. «Таджики Верховьев Оксуса (Аму-дарьи). Долина Хуф, быт и язык». 2-е предисловие, предполагаемое к помещению после 1-го, написанного в 1931 г. // Архив академии наук Республики Таджикистан. ВА – ВЕ. Фонд – 1. Опись 2. Связка 8. От № 332 по 337. Л. 13.

5 Андреев М. С., Половцов А. А. Ишкашим и Вахан. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. СПб, 1911. 41 с.

Долина Хуф. (Фото Курбона Аламшоева).

В Советский период М. С. Андреев посещал край несколько раз. В 1929 г. Академией наук СССР была организована этнографическая экспедиция в Верховья Пянджа (долина Хуф, Рушан) под руководством М. С. Андреева, членом-корреспондентом которой он был избран в том же году. Наряду с собранным материалом по быту и лингвистике в Хуфе, М. С. Андреев взял с собой двух жителей названной долины – Пайшанбе и Курбонали в Ташкент и работал с ними зимой 1929–1930 гг. Курбонали поступил в Таджикский институт просвещения в городе Ташкенте и стал главным осведомителем ученого при дополнительной обработке собранные им материала по этнографии Памира⁶.

В результате экспедиции, 19 из своих собранных этнографических коллекций (в общем количестве им было собранно 126) он передал в распоряжение Большого Среднеазиатского музея в Ташкенте. Итогом его научных изысканий стали основы его фундаментального труда «Таджики долины Хуф», который и по сей день не имеет аналога среди работ по этнографии Памира.

В 1943 г., несмотря на трудности вызванной Великой Отечественной войной по поручению Совнаркома и ЦК Компартии Таджикской ССР Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР отправлена экспедиция в Верховья Пянджа под руководством М. С. Андреева. Целью экспедиции было изучение языка и быта таджиков Памира. В состав экспедиции также были включены А. К. Писарчик, лаборант Е. А. Мончанская, художница Т. В. Саглина, два таджика-шугнанцы – знаменитый таджикский поэт Тилло Пулоди и партийный работник С. Худобердыев, которые работали в качестве информаторов по Шугнану.

⁶ Андреев М. С. «Таджики Верховьев Оксуса (Аму-дарьи). Долина Хуф, быт и язык». 2-е предисловие, предполагаемое к помещению после 1-го, написанного в 1931 г. // Архив академии наук Республики Таджикистан. ВА – ВЕ. Фонд – 1. Опись 2. Связка 8. От № 332 по 337. Л. 14.

Экспедиция проработала на Памире 4 месяца, из которых 2 месяца в долине Хуф Рушанского района. В дополнение к ранее собранным материалам в 1901 по 1929 гг. М.С. Андреев и А.К. Писарчик собирали новые сведения о быте, хозяйственной деятельности – земледелии, животноводстве, промыслах, семейных обычаях, обрядах, верованиях и другим темам. М.С. Андреев параллельно продолжил изучать хуфский диалект рушанского языка. Кроме долины Хуфа экспедиция посетила село Баррушан Рушанского района и в Хорог с целью собрать и сравнить материалы, которые были собраны в Хуфе. Так же были специально вызваны информаторы из Язгулема и верховий Бартанга. Важные материалы по Язгулему были получены от 80 летнего жителя село Джамак Махмадилло Киргизова, а в Баррушане – от 90-летнего жителя данного села Йор-Махмада (Ёрмахмад. – С. С.). В Хороге также записали информацию, полученную от ваханцев и горонцев»⁷.

М.С. Андреев, как опытный этнограф и ученый внимательно и тщательно изучал этнографию Памира. По словам А.К. Писарчик, М.С. Андреев стремился, со слов представителей разных долин Памира, собрать более подробные варианты записи одних и тех же обычаев – празднование Навруза, первой весенней ритуальной запашки и других, так как при таких сравнительных записях нередко выявляются совершенно новые важные детали и варианты. Все материалы экспедиции 1943 года, как все научные материалы М.С. Андреева хранятся в архивах Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша и Академии наук Республики Таджикистан.

Кроме этнографических и лингвистических материалов данная экспедиция собирала и этнографические коллекции. Было собрано более 350 предметов: орудия труда, предметы местных промыслов, украшения и т.д. Сегодня часть из них хранится в Музее этнографии Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша.

Женская вышивка и другие экспонаты. Хуфская коллекция М. С. Андреева в музее Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша в г. Душанбе. (Фото Курбона Аламшоева).

7 Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920 – 1990 гг.). Душанбе, 2002. С. 23-24.

Академик А. А. Семенов с таджикскими этнографами А. К. Писарчик (справа) и М. Хамиджановой (слева). 1952 г. (Из личного архива Л. Додхудоевой).

Следует отметить, что еще в 1931 г. М. С. Андреев отправил первый вариант «Таджики долины Хуф» для публикации в Академии наук СССР, но там текст его монографии был утерян.

После экспедиции 1943 года в Хуф по инициативе ЦК КП (б) Таджикской ССР, Таджикский Филиал АН СССР и лично Бабаджана Гафурова Институт истории, языка и литературы ТФ АН СССР финансировал обработку материалов экспедиции М. С. Андреева в Хуф в 1929 г. Таким образом, вторично был подготовлен к печати первый выпуск монографии «Таджики долины Хуф». Об этом сам М. С. Андреев пишет, что «личную признательность приношу глубокоуважаемому Б. Г. Гафурову, за проявление им внимательного отношения и помощь в этой работе»⁸. В 1947 году при поддержке востоковеда Б. Гафурова он успешно завершил новый вариант монографии, включив в нее и некоторые материалы экспедиции 1943 года. Но опубликовать свою монографию ученый не успел. После его смерти этим делом занималась его жена Антонина Константиновна Писарчик.

Следует отметить, общественно-политический контекст, в котором проводилось и публиковалось исследование М. С. Андреева, которое по своим предпосылкам и характеру можно разделить на дореволюционный и советский периоды. В дореволюционный период имелся ряд причин, по которым западные и российские ученые обратили внимание на изучение региона. Во-первых, когда в 40-е годы XIX столетия немецкий востоковед Макс Мюллер объявил горы Центральной Азии местом прародины человечества, ученые разных передовых стран, следуя его теории, взялись за поиски прародины ариев⁹. Так в Российской империи П. Чихачев особое внимание уделил этому вопросу и писал: «где же кроется, слитая в одно целое и частью сжатая масса людей, с древнею образованностью, которая, развившись медленно сама из себя в несколько тысячелетий, чуждается и по ныне всякого соприкосновения с остальным челове-

⁸ Андреев М. С. «Таджики Верховьев Оксуса (Аму-дарьи). Долина Хуф, быт и язык». 2-е предисловие, предполагаемое к помещению после 1-го, написанного в 1931 г. // Архив академии наук Республики Таджикистан. ВА – ВЕ. Фонд – 1. Опись 2. Связка 8. От № 332 по 337. Л. 1.

⁹ Сайнаков С. П. Первые этнографические сведения о Памире в русской историографии // Вестник педагогического университета. № 1(50). Душанбе, 2013. С. 143.

чеством»¹⁰. Этим вопросом, т. е. поиском прародины человечества, стал заниматься впоследствии также русский философ Н. Фёдоров.

В 70-е – начало 80-е годы XIX века российские учёные провели первые комплексные научные экспедиции на территории нынешнего Таджикистана и достигли территории ГБАО. Таким образом, с этого момента началось непосредственное их участие в изучении этнографии края. Примечательно, что российские военные специалисты для того, чтобы легко управлять делами, считали необходимым и своевременным изучить психологию, религию и традиции народов, которые попали под юрисдикцию Российской империи, следовательно, этнографическое изучение края стало одним из стратегических задач не только военных, дипломатических, но и научных кругов России.

Решением «Памирского вопроса» для разведывательной цели, Российское правительство поставило перед русскими военными задачу собрать первичную информацию о географическом расположении, жизни и быте, занятости населения Памира, особенно его обычаев, ритуалов и обрядов. Первыми в регион были отправлены военные и специалисты-естествоиспытатели в противовес колониальным амбициям Британской империи. В результате, был накоплен соответствующий материал политического и разведывательного характера. Наряду с этим, открылся широкий простор для сбора соответствующих материалов исследователям различного направления науки. В их по истине громадном наследии особое место занимает историческое и этнографическое изложение материалов. Таким образом, по ряду обоснованных причин дореволюционные исследователи занимались изучением этнографии региона, поскольку неизученный Памир «белым пятном» оставался на всех картах мира, с другой стороны, ради военных целей в противовес Британской экспансии.

Что касается Советского периода об этом контексте сам М. С. Андреев четко и ясно пишет, что Средняя Азия по сравнению с другими областями земного шара тогда еще очень мало была изучена в отношении быта населяющих ее народностей. По написанной истории народов Средней Азии до тех пор крайне мало. В больших сводных работах, суммирующих факты по разрешению недоуменных вопросов в развитии человека, человеческого общества, в установлении этапов и форм его развития, можно постоянно встречать примеры из быта, кажется, каких угодно народностей, но только не Средней Азии. Существовавшие в этой области работы этнологического характера это, за очень малыми исключениями, результаты случайных небольших обследований, случайного проезда того или другого путешественника, мимоходом останавливающего где-нибудь и записавшего свои впечатления и т. д. Почти ничего планомерного, систематического. И, как это не удивительно, но до сих пор в особенности мало что сделано для изучения быта иранских народностей Средней Азии – таджиков, несмотря на глубокий интерес для науки, представляемый этими самыми крайними представителями, заброшенными в малодоступные складки горных массивов Гиндукуша и Припамирских стран сохранившимися здесь до наших дней под защитой горных барьеров многие любопытные и ценные для науки обычаи.

¹⁰ Чихачев П. О. О исследование вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир // Записки Русского географического общества. Книжка III. СПб., 1849. С. 24.

Между тем, при такой этнологической малой изученности Средней Азии, в области научной работы как раз наблюдается необходимость выяснения существующего быта среднеазиатских народностей, крайне много сделано по изучению ряда континентов, других регионов Азии, но в Средней Азии в этом направлении наблюдается пробел.

Но есть и еще одно обстоятельство, сугубо заставляющее торопиться с описанием старого быта, так как Средняя Азия переживает сейчас удивительный момент своей истории и находится на грани двух эпох – полного и быстрого исчезновения старого быта. ... Всем, чем жила и дышала до сих пор Средняя Азия, на протяжении долгих веков, исчезает в наши дни с невероятной быстротой ... но дело в том, что весь старый быт Средней Азии, крайне ценный для изучения истории исчезает бесследно, будучи почти совершенно не описанным, не зафиксированным в научных записях и даже крайне жалко и не удовлетворительно представленный в музейных коллекциях. Незаметно для глаза, скромно съезжившись, бесшумно исчезают ценнейше для нашей науки остатки прошлого, когда потом спохватятся и примутся за их изучение, то тогда будет уже поздно. Уже теперь подрастающее поколение часто имеет представления о том, что имело место еще в памяти существующих старших¹¹. «Вот, – пишет М. С. Андреев, – обстоятельства, при которых нельзя медлить ни минуты, торопясь записывать то, что уцелело еще до настоящего дня и чего не будет завтра»¹². В 1945 году был опубликован реферат работы М. С. Андреева «Таджики верховьев Оксуса (Аму-Дарьи). Материалы по изучению истории культуры, быт и язык, ч. 1, выпуск 1»¹³.

Таким образом, по сей день работа М. С. Андреева являясь единственным фундаментальным исследованием по этнографии таджиков Памира, не имеет себе аналогов. Сам М. С. Андреев в результате тщательного изучения лингвистики и этнографии жителей Памира приходит к выводу, что истоки культуры, язык современного таджикского народа надо искать в верховьях Амударьи.

Но уместно было бы отметить и заслуги спутницы жизни М. С. Андреева – Антонина Константиновна Писарчик в публикации его этнографических и лингвистических материалов. В процессе подготовки увидевших свет двух выпусков «Таджики долины Хуф» она сыграла решающую роль. Антонина Константиновна Писарчик родилась 23 марта 1907 года в Коканде Ферганской области Туркестанского генерал – губернаторства Российской империи. В 1924 г. она поступила на этнолого-лингвистического отделения (иранский курс) Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в городе Ташкент. В данном университете тогда работали и преподавали знаменитые ученые, лучшие знатоки истории и культуры народов Средней Азии. В их числе были иранист и первый советский исламовед А. А. Семенов, арабист А. Э. Шмид, тюрколог К. К. Юдахин, лингвист Е. Д. Поливанов, антрополог Л. В. Ошанин, а также этнограф и лингвист М. С. Андреев. Именно М. С. Андреев сыграл основную роль в формировании А. К. Писарчик как ученого. С 1940 году А. К. Писарчик стала его женой. В период учебы в данном вузе А. К. Писарчик серьезно изучала основные предметы по истории, лингвистике, археологии и этнографии народов, населяющие Средней Азии.

11 Андреев М. С. «Таджики Верховьев Оксуса (Аму-дарьи). Долина Хуф, быт и язык». 2-е предисловие, предполагаемое к помещению после 1-го, написанного в 1931 г. // Архив академии наук Республики Таджикистан. ВА – ВЕ. Фонд – 1. Опись 2. Связка 8. От № 332 по 337. Л. 9-11.

12 Андреев М. С. «Таджики Верховьев Оксуса (Аму-дарьи). Долина Хуф, быт и язык». 2-е предисловие, предполагаемое к помещению после 1-го, написанного в 1931 г. // Архив академии наук Республики Таджикистан. ВА – ВЕ. Фонд – 1. Опись 2. Связка 8. От № 332 по 337. Л. 11.

13 Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев (Научно-биографический очерк). Душанбе: Ирфон, 1973. С. 160.

Скоро она приходит к самостоятельной научной деятельности в Самаркандский музей и Институт истории и археологии, собирая коллекции для Самаркандского и Ленинградского музеев. Она параллельно занимается полевым исследованием, накапливает материалы по этнографии и культуре таджиков Самарканда, особенно материалы по архитектуре и таджиков Нураты и Памира. Материалы по этнографии таджиков Памира она собирает во время экспедиции М. С. Андреева в долины Хуф Рушанского района.

В 1945 году А. К. Писарчик успешно защищает в САГУ свою кандидатскую диссертацию на тему: «Самаркандские жилые дома и квартальные мечети XIX – XX вв». Народная архитектура и этнографии Ферганской долины всегда оставалась в поле зрения А. К. Писарчик до конца ее жизни. Если проанализировать научное наследия ученого, то окажется, что ее научные интересы были широки: ремесла, одежда, пища, народный календарь и счет времени, земледелие и скотоводство, верования и обряды, связанные с ними и т. д.

В 1948 году, после смерти М. С. Андреева, А. К. Писарчик возглавила Этнографический кабинет Института истории, языка и литературы Таджикского Филиала Академии наук СССР и организовала ряд этнографических экспедиций, особенно в Кулябском регионе. С 1951 по 1965 она заведовала сектором этнографии Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Уместно напомнить, что в период, когда она возглавляла кабинет этнографии, а потом сектор, началось сплошное этнографическое изучение Таджикистана. В этом ее большая заслуга. Этнографические экспедиции охватили почти все регионы республики, а результатами экспедиции в Каратегине (Раште) и Дарвазе стала трехтомное издание «Таджики Каратегина и Дарваз» (1966–1976 гг.) при авторском участии и редакцией Н. А. Кислякова и самой А. К. Писарчик. Велика ее роль и в создании фондов Музея этнографии Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Она воспитала целую плеяду таджикских этнографов. Период руководства А. К. Писарчик отделом этнографии сотрудники Института истории, археологии и этнографии Таджикистана тогда называли «золотым веком», таджикской этнографии, а ее «совестью института»¹⁴. Работа М. С. Андреева была всесторонне поддержана директором Института А. Семеновым, а труд А. К. Писарчика для продолжения её, его преемником, академиком Б. И. Искандаровым, который внес значительный вклад в освещении истории края.

Таким образом, после смерти М. С. Андреева она разобрала и проанализировала полевые материалы ученого по этнографии и лингвистике Памира и Ягноба. В результате увидели свет работы М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», «Материалы по этнографии Ягноба» и ряд статей.

За внесение огромного вклада в изучении этнографии, истории, лингвистики и культуры таджикского народа в 1967 году ей было присвоено звание «Заслуженный деятель Таджикской ССР». Перу А. К. Писарчик принадлежит более 60 книг и статей, под ее редакцией увидел свет ряд фундаментальных работ по этнографии таджиков. Заслуженный деятель Таджикской ССР, Почетный член Польского этнографического общества Антонина Константиновна Писарчик ушла из жизни в ночь с 5 на 6 января 1995 года в Польше, в городе Милановск¹⁵.

14 Бобоева Н. С. От редактора // Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.). Душанбе, 2002. С. 6.

15 Ланскер О. Л., Решетов А. М., Широкова З. А. Антонина Константиновна Писарчик // Этнографическое обозрение. № 14. М., 1995. С. 174-175.

О значении и уникальности «Таджики долины Хуф» М. С. Андреева академик А. А. Семенов, И. А. К. Писарчик в своем предисловии справедливо отмечают, что его «собранный материал является богатейшим источником для пополнения наших знаний о старом быте таджиков, своеобразной энциклопедией старого быта таджиков, а частично и других среднеазиатских народов, с которыми таджики были связаны историческими судьбами. Это определяет его научную ценность»¹⁶.

Первый выпуск «Таджики долины Хуф» подготовил к печати сам М. С. Андреев, который был посвящен семейному быту хуфцев и фрагментарно в нем представлены материалы из традиционной жизни других групп таджиков Памира.

Первый выпуск работы начинается с предисловия от редакции, в котором дано объяснение транскрипционных знаков и приводится предисловие самого автора. Первый том делится на 11 глав. В первой главе «Хуф и самоназвание хуфцев» описывается самоопределение хуфцев. М. С. Андреев пишет, что с первой же его встречи с ними в 1901 г. в городе Ташкент и во время моих поездок в Хуфе в 1907 и 1929 гг. нимало ни колеблясь, они объявили себя «настоящими таджиками», более чистыми даже, чем живучие ниже их по течению реки Пянджа таджики, говорящие на современном таджикском языке.

Для сравнительного анализа во время последней своей экспедиции на Памир в 1943 г. ученый еще раз интересовался самоопределением населения Верховья Амударьи. Запись о самоопределении и самоназвании горцев он в этой поездки собрал в Хуфе, и для сравнительного анализа из уст двух вышеупомянутых стариков из Язгулема и Баррушана. Его неопубликованная статья по этому вопросу на основе бесед с названными информантами, в качестве приложения к своей книге, опубликовал А. С. Давыдов. В частности, он, в своей статье окончательно пишет, что со времени первой встречи с жителем Хуфа в Ташкенте (1901 г.) и до последней поездки в регион (1943 г.), немало не колеблясь, они объявляли себя «настоящими таджиками». «Асли тольик мо Ӣастем» – «Настоящие таджики – это мы»¹⁷. Остальных таджиков (таджиков долин) они называли *порсигу*, т.е. персоязычными. А в высказывании одного из старейших жителей Баррушана девятистолетнего Йор-Махмада, удивительно ясно и точно выражены старые воззрения жителей верховьев Пянджа на термин «таджик». Он сказал М. С. Андрееву: «С древнейших времен мы наш язык называем таджикским. Сами мы таджики со времен раньше Деция (или «Дакиониса», соответствует приблизительно русском «до царя Гороха»)»¹⁸. Информации о самоопределении шугнанцев, который профессор М. С. Андреев, собирал во время той же поездки в Хороге, вменил в другом своем пока неопубликованном работе под названием ««Порс» – «Персы» в верховьях Панджа (из дорожной записи М. С. Андреева. Хорог 6-го августа 1943 г.», где автор пишет, что «... шугнанцы, считавшие за «таджиков» только себя и другие соседние народности (рушанцы, язгулемцы, бартаньгцы и др.), не говорящие на современном «таджикском» (ново – таджикском) языке»¹⁹.

16 Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Выпуск. I. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1953. С. 5.

17 Андреев М. С. Самоопределение Хуфцев // Давыдов А. С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005. С. 120.

18 Андреев М. С. Самоопределение Хуфцев // Давыдов А. С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005. С. 122.

19 Андреев М. С. «Порс» – «Персы» в верховьях Панджа (из дорожной записи М. С. Андреева. Хорог 6-го августа 1943 г.) // Машинопись. Хранится в Библиотеке академика А. А. Семенова Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан. Л. 1.

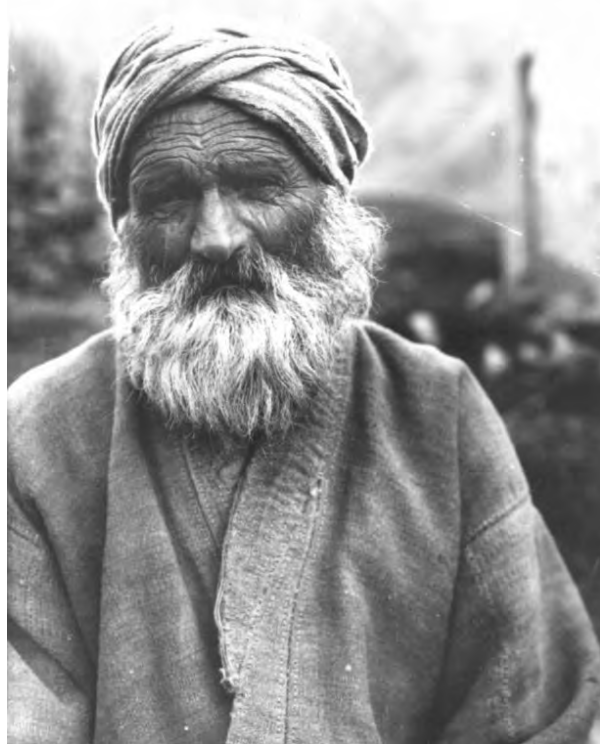
Уместно указываем, что в трудах почти всех русских исследователей заложены неопровержимые доказательства, собранные ими в результате служебных и полевых работ в регионе от самих таджиков – памирцев, об их расовой, этнической принадлежности, среди которых собранные материалы М. С. Андреева о самоопределении горцев имеют бесспорное значение.

Далее автор в части «Некоторые исторические сведения, предания и рассказы о прошлом строе жизни» освещает вопросы о прошлой истории и политической ситуации в крае по рассказам самих хуфцев. По его мнению, очень любопытным является одно предание об их происхождении от сарыкольцев. Сначала из Сарыкола их предки пришли в долину Гунд, отсюда пришли и жили в Нижнем Хуфе (Пастхуф), а потом перебрались в Хуф. Информант, который дал ему информацию, имел в виду, что может быть действительно его предки несколько веков назад пришли в Хуф из Сарыкола. Но видимо к основному составу населения Хуфа это предания не касается. Примером этого, кандидат исторических наук, Курбониддин Аламшоев провел собственное исследование, в результате каждый местный знаток истории из числа пожилых людей в Хуфе ему рассказали, что они «являются коренными аборигенами и веками живут на одном и том же месте»²⁰. Возможно, надо иметь в виду, что тогда Сарыкол со всей долиной Ташкурган также входил в зону влияния шугнанских и ваханских шахов.

В этой же части работы автор приводит другие предания горцев отрывочного характера о кафирах (скорее всего, коренные жители Памира, придерживавшие веру в митраизм), о вторжениях монголов, о приходе киргизов, воспоминания о времени правления Рушанских и Шугнанских правителей, родословные шугнанских правителей, период управления афганских захватчиков и политическое влияние бухарцев в регионе, строение крепостей, деление на сословия население в Верховьях Пяндж, подати и повинности и т.п.

Особое значение имеет информация о положении Хуф во времена правления местных «ша» (царей). По преданию хуфцев, в этот период в регионе имелись 4 шахства: 1) ваханский; 2) шахдаринский; 3) шугнанский; 4) рушанский. Каждое *шахство* делилось на административные единицы, называвшиеся «сада» или в некоторых местах как в Рушане «панджа».

Следующая часть работы «Рождение, младенчество и связанные с этим обычаи и верования» посвящена рождению, младенчеству и связанным с ними обычаям и верованиям. В работе

Потомственный пир Ёр-байк из кишлака Банай.
Памир. Хуф. 1929 г.
(Из личного архива Л. Додхудоевой).

20 Аламшоев К. Памирские дома русского академика // <http://qurbonalamshoev.tilda.ws/>. Дата обращения 28.11.2019 г.

освещен полный цикл обрядов и ритуалы по случаю рождения ребёнка. В следующей части книги «Наречие имен» в качестве приложения М. С. Андреев приводит некоторые основные мужские и женские имена, которые хуфцы употребляли.

В пятой главе «Детство (некоторые обычаи)» интерес привлекают к материалам по некоторым обычаям, связанным с детством, особенно первое состригание волос ребёнка, обрезание. В шестой части работы «Игры» рассмотрены развлечения населения, детские развлекательные игры среди горцев.

Далее в седьмой главе «Свадьба» освещаются традиционные жизненные процессы горцев, касающиеся свадебного обряда. Исследователь освещает процесс церемонии формального сватовства, размер вена, свадебный пир, песни и танцы, бракосочетание и другие свадебные обычаи, и обряды в оригинальном виде, большинство из которых по сей день не утратили своего значения в традиционной культуре населения Памира.

М. С. Андреев в восьмой главе «Замужняя женщина» освещает традиционную семейную жизнь населения верховьях Амударьи, в том числе работы, выполняемые женщинами в сельском хозяйстве, поведение, место женщин в доме, вопросы супружеской верности, развода, отсутствие многоженства и другие проблемы, связанные с ними обряды, ритуалы и обычаи.

Хуфка Курбон-бегим.
(Из личного архива Л. Додхудоевой).

В девятой главе «Смерть. Похороны. Поминание умерших» М. С. Андреевым накоплен значительный материал относительно смерти и похоронных ритуалов и обрядов, особенно зажигание светильника (Чароғравшан), траура и его сроков, представление о загробной жизни у таджиков Памира. Он, описывает похоронно – поминальные обряды горцев и отмечает, что в случае смерти, по традиции как можно скорее должно известить об этом родных и знакомых больного или покойного. Даже если они живут далеко, к ним посылают гонцов.

По традиции, в доме умершего человека собираются односельчане и даже из соседних населённых пунктов. Исследователь отмечает, что покойника никогда не оставляют долго не погребённым: если он умер в полдень или раньше, его хоронят в тот же день, если под вечером, то на следующее утро. По исламским обычаям тело умершего человека обмывают. В равнинах Средней Азии этим занимались специальные профессионалы. По материалам М. С. Андреева на Памире

институт профессиональных мойщиков не существует. Эту часть обряда исполняют только близкие родственники умершего – мужчину обмывают мужчины, женщину женщины. Упоминаются и наиболее известные ритуалы, и обряды, траурный ритуал, его срок и одежды, носящих пострадавшими, особенно женщинами в этот период.

В десятой и одиннадцатой части работы рассмотрены проблемы, связанные с загробной жизнью, отношение к старикам в прошлом. Книга снабжена также предметно-тематическим указателем, словарем терминов и отдельных слов, списком сокращений, иллюстрациями и примечаниями самого автора и редактора.

Второй выпуск «Таджики долины Хуф», подготовила к печати А. К. Писарчик, стараясь более точно сохранить записи М. С. Андреева. В связи с этим материалы подвергались минимальной обработке с ее стороны: они были лишь разобраны, приведены в систему, распределены по главам и немного отредактированы. А. К. Писарчик также снабдила работу фотографиями и рисунками.

Во второй выпуск в основном включены некоторые неоконченные и неопубликованные полевые материалы М. С. Андреева, которые по своему содержанию связаны с материалами первого выпуска.

Второй выпуск работы начинается с предисловия редакторов. Сама работа делится на девять глав. Первая глава «Некоторые общие сведения о долине Хуф» освещает проблемы, касающиеся некоторых общих сведений о долине Хуф²¹. Автор коротко дает информацию о селениях Хуф и Пастхуф, количество домов в Хуфе, занятости населения, о летовках, о речке Хуфиндз и ее притоках, процессе опускания ледников и отступления посевов и климате Хуфа.

Цикл полевых работ и обряды тоже отмечены в работе. Эти проблемы включены во вторую главу работы «Земледелие (с приложениями: «Удобрение полей как фактор, влияющий на размеры и форму селения»)». Таким образом, автор, в отдельном разделе подробно освещает земледелие, его условия и значение для населения. Автор пишет, что жители Хуфа, как все таджики, исконные земледельцы и по климатическим условиям разделяют долины на две зоны: 1) долина Хуф с прохладным коротким летом при полном отсутствии фруктовых деревьев; 2) Нижний Хуф со значительно более продолжительным вегетационным периодом, где вызревают многие фрукты и где большинство жителей имеют свои сады, участки под посевы хлебных злаков.

Ученый пишет о земледельческих ритуалах, обычаях и обрядах, мерах земли, удобрении полей, земледельческих орудиях, освещает виды посевных земель, сорта посевных злаков, процесс пахоты и посева, методы орошения, жатву различных злаков, трав и ее сроки, молотьбу, уборку зерна с гумна, методы сохранения зерна и семена, виды мельниц и помол хлеба, другие традиционные примеры из жизни хуфцев и других горных регионов Таджикистана по этому вопросу. В этой же части имеются сведения о гербарии края, собранные членом экспедиций 1943 г. Е. А. Мончадской в Хуфе и в Баррушане. В разделе примечаний ко второму выпуску также даётся информация о посевах хлопка в Верховьях Пянджа. Сорт *гуза* с нераскрывающимися коробочками до революции засевали в долине Пянджа во многих местах, но Рушан

21 Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударья). – Выпуск II. Сталинабад: АН Таджикской ССР Андреев, 1958. 522 с.

считался старым центром хлопководства. Это нашло место в ходячем сравнении «пильтаи Рушон» – «рушанский фитиль», употребляемом, например, в свадебной песне для обозначения белизны пальцев жениха.

Третья часть второго выпуска работы «Скотоводство» посвящена проблеме традиционного скотоводства в Хуфе. М.С. Андреев пишет, что наряду с земледелием скотоводство имеет особое значение в жизни хуфцев. По его наблюдению, долгая зима в этих местах является главным препятствием на пути расширения данной отрасли. Автор приводит информацию о составе стада в Хуфе, терминологию, связанную со скотоводством, заготовкой корма, зимнего корма для скота, следы древности в разведении рогатого скота и обычаи, связанные с ним, регулирование рождения молодняка, запреты, связанные с молоком, метод доения, приготовленные из молока кушанья, содержание и кормление скота в зимний сезон, разведение овец и коз и их основные породы, кормление скота солью, пастьба скота на летовках, мифы, связанные с животными, обряды и обычаи связанные с летовкой, молоко и методы сбивания масла, другие традиции, связанные со скотоводством.

Календарь, сделанный на основе древнего летоисчисления хуфцев, о котором повествуется в книге. (Фото Курбона Аламшоева).

В четвертой главе «Народный календарь и счет времени» М. С. Андреев также записывает народный календарь и счет времени, способы календарных вычислений, счет по частям тела человека, дни недели, посвященные разным святым новый год, праздники, части суток в Хуфе, Рушане, Шугнани, Баджу и Язгулеме. По его информации счет времени в Бадахшане осуществляется двояко, по солнечному (шамси) исчислению и лунному (камари). Он сообщает, что счёт времени, которое ведётся по движению солнца, ведет свое происхождение от Хазрат Али, введение которого население приписывает Носиру Хусраву. Кроме календаря и счета горнобадахшанцев работе автор приводит календарь и счет времени, бытующие среди каратегинцев и у населения в Оби Гарме, других сопредельных местах. Эти материалы по существу своему являются уникальными для науки.

В отдельной главе «Меры» автор приводит информацию о бытующей среди горцев местной мере весов и длины. Например, он пишет о хуфской мере длины, мере сыпучих тел, мере ценности в Хуфе и в других местах Рушана, у населения долины Гунд Шугнана. Иногда он приводит сравнения с таджиками др. регионов и другими народами Центральной Азии. Такой сравнительный подход является большим достижением М. С. Андреева в этнографии.

Касательно уровня развития производства, промыслов, торговли, автор в главах «Промыслы», «Охота», «Торговля» отдельно перечисляет хуфских ремесленников, приводит сведения о размере вознаграждения труда ремесленников, работе кузнецов и методах добывания железа в Рушане, процессе выплавки железа, описывает обряды и запреты, связанные с выплавкой железа, местонахождением руды и домниц в Рушане, приводит перечень железных изделий в Хуфе.

По информации М. С. Андреева, хуфцы получили железо из нижних сел Рушана»²². На основе рассказа хуфского кузнеца, М. С. Андреев подробно описывает методы выплавки железа в Рушане и отмечает, что домницы для выплавки имелись в пяти селах – Дерзуд, Барзуд, Вамар, Шуджанд на правом берегу реки и на левом берегу Пянджа в селе Поджвар (Пагор). В связи с этим он дает интересные сравнения с этим ремеслом в Дарвазе и Вандже.

Другим занятием населения было изготовление посуды из глины и других материалов. По сообщению М. С. Андреева, в Хуфе есть порода глин, из которой женщины, выделывают всевозможные посуды. Автор освещает вопросы гончарной глины, лепку сосудов, обжига сосудов, виды хуфских глиняных сосудов, дает их классификацию, методы вырезания и точения деревянной посуды и утвари, деревянных ложек, деревянных замков, корыта, люльки и других различных предметов. Так же он приводит информацию о том, что население Рушана и Шугнана готовили посуду из керамики и дерева. В работе имеется информации об использовании глиняных и чугунных котлов в регионе. Горцы готовили ряд сосудов из овечьего помета, липких плодов растений. В работе так же приводятся сведения о приготовлении поташа и варка мыла в Хуфе, других регионах Памира.

Особый интерес представляют материалы о занятости населения, ткачестве и прядении. Автор описывает вид станков для изготовления шерстяных и бумажных тканей, перечисляет название ткацких готовых тканей, использование овечьей и козьей шерсти в Хуфе, типы веретена, характерные для таджиков и тюрков, стрижку шерсти из овец и коз, приводит характеристики хуфской прялки-станка «чарх».

Он сообщает, что в этих местах козью шерсть обрабатывали мужчины, а овечью – женщины. Он описывает изготовление халатов (гилим) в Рушане из шерсти овец. Паласы из козьей шерсти в Хуфе ткут мужчины на особом вертикальном станке. М. С. Андреев приводит информацию о способах плетения из шерстяных ниток различных тесемок и шнурков. Наиболее подробно красильные растения и методы крашения шерсти таджиков Памира освещены в работе М. С. Андреева, как и вопросы сырья и методов изготовления свечей.

Довольно подробно освещены в работе М. С. Андреева вопросы охоты. Он отмечает, что этот вид занятия для горцев является способом обеспечения своих материальных и продовольственных потребностей, а также увлекательным занятием. Исследователь описывает охотничье снаряжение, методы охоты на зверей и другие обычаи, связанные с ним, легенды горцев, связанные с различными животными. Например, в работе отмечается, что горцы считают горных козлов (нахчир) очень чистыми животными, пользующимися расположением ангелов и самого Бога.

22 Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму – дарьи). – Выпуск. I. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1953. С. 233.

Сведения М. С. Андреевым об уровне торговли в крае тоже имеют немаловажное значение. По его информации, торговля в основном ведётся преимущественно обменным путем, исключительно внутренняя и меновая. Например, хуфцы продавали в Рушане горох, оттуда же взамен на мясо получали тут, абрикосы, вели торговлю овец и с сарыколцами и памирскими киргизами.

Девятый раздел «Пища» посвящен проблемам питания горцев. В связи с природными и хозяйственными и религиозными условиями пища жителей Памира отлична от еды жителей соседних стран, т.к. в ней сохранились древнейшие традиции кухни восточноиранских народов. До сих пор таджики – памирцы, наряду с инновациями в изготовлении блюд, используют традиционные блюда своих предков. В работе отмечается, что главной пищей горцев наряду с хлебом является лапша (ош, махош), жидкая мучная похлебка (хахъпа), мучная похлебка с абрикосом (нушхахъпа), мучная похлебка с пшеничной муки и маслом (хахъпа, руганхъурво), также в рационе горцев особое место занимали молоко и молочные блюда, суп – мясной бульон и другие. М.С. Андреев особо отмечает, что согласно Корану, мусульманам строго запрещено принимать в пищу свинину, мертвечину и кровь. И добавляет к этому, что у исмаилитов запрещено принимать в пищу лошадиное мясо. Некоторые русские дореволюционные исследователи смогли, выявить этот вопрос»²³.

В десятой главе «Одежда» М.С. Андреевым описаны её традиционный состав, материал и оформление. Таким образом, одежда, наряду с материальной, частично представляет собой духовную культуру каждого народа, т. к. в ней отражены традиции и элементы конкретного мировоззрения. Она является важным источником изучения истории и культуры каждого народа.

М. С. Андреев в своей работе приводит сведения о составе мужского костюма: рубашки и халата (гилим), штанов, сапог (пех), деревянные колоши, чулки, головные уборы, мужская прическа, и женский костюм: платья, головные уборы, женская прическа, косметика. В работе сообщается, что и мужчины, и женщины в дореволюционном Памире в основном одевались почти исключительно в одежды из шерстяных тканей. Бумажная рубаха-платье, надеваемая в день свадьбы на невесту, была редкостью.

В качестве приложения ко второму выпуску приведены некоторые работы М. С. Андреева, в том числе «Страны в Верховьях древнего Оксуса (Аму-Дарьи и их значение для понимания старого быта оседлых народов Средней Азии)», где автор рассматривает проблемы традиционной жизни и быта долины Верховья Амударьи (Вахан, Ишкашим, Рушан, Язгулям, Шугнан) и их значение для понимания старого быта оседлых народов Средней Азии. На основе собранных полевых материалов сообщается, что население этих долин – таджики, которые единственные, кто сохранил свои древнетаджикские, восточноиранские языки и диалекты, а также пережитки древних верований и обычаев, архаический уклад жизни и быта. В религиозном отношении они официально исповедуют исмаилизм, довольно равнодушно относившийся к старым верованиям своих адептов. Именно толерантность исмаилизма в значительной степени способствовала сохранению здесь древних таджикских, т. е. восточноиранских обычаев.

Во втором выпуске в приложении приведены такие ранее неопубликованные работы М. С. Андреева, как «Лазанье по деревьям», «Потолок пригиндукушских стран и потолок «дарбази» в Закавказье». Относительно материальной культуры интересны сведения из последней

23 Семенов А. А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. – Т. – I. – № 4. – СПб., 1912. – С. 543.

работы М. С. Андреева о жилище, особенно о потолке – «чорхона» памирских таджиков. Автор отмечает, что интересующий нас потолок был в свое время широко распространен на промежуточном пространстве в Средней Азии, а потом исчез, оставшись лишь в труднодоступных горных долинах небольшими оазисами в наиболее глухих местах. Здесь надо отметить наличие поразительного совпадения по форме потолков указанного типа в Закавказье, Бактрии, в памятниках Бамиана, Пенджикенте, в Верховьях Пянджа, Читрале и Восточном Туркестане. Поразительное сходство несомненно, указывает на одну общую древнюю культуру.

Работа также снабжена, списком иллюстраций, указателем терминов и слов, указателем топонимических названий, списком условных сокращений. В книге также помещены 132 иллюстраций.

М. С. Андреев упоминает, что регион является удивительной научной сокровищницей старого быта всей Средней Азии. Говоря о жителях верховьях Пянджа как об удивительном хранилище древних пережитков, он отмечает, что такие пережитки не встречаются в других высокогорных странах или в глухих местах, помимо гор. В указанной области благодаря особенной изолированности они сохранились гораздо ярче, рельефнее, чем в других местах. По своей форме они там более наглядны и убедительны и не требуют особой расшифровки, кроме того, здесь, в этом бывшем когда-то естественном человеческом заповеднике сохранились еще много таких обычаев, старых навыков и данных о языке, которые давно уже исчезли в других местах.

Таким образом, обзор работы «Таджики долины Хуф» показывает, что среди прошлых и настоящих исследователей никто не проделал такую кропотливую, громадную работу по изучению этнографии таджикского народа, как Михаил Степанович Андреев. Начиная с 1901 года он посвятил свою жизнь изучению быта горных таджиков. Автор отлично владел таджикским языком и его многочисленными говорами, он занимался изучением всех горных регионов, где проживали таджики, сохранившие свои восточноиранские языки. Почему он выбрал именно Хуф? На наш взгляд, М. С. Андреев знал, что именно живя высоко в горах, хуфцы сохранили в чистом и оригинальном виде древние архаичные элементы традиционной жизни и быта предков таджикского народа, т. е. арийцев.

Таким образом, из уст М. С. Андреева мы узнаем, что Хуфцы – группа из рушанских таджиков Памира, живут на высоте от 2700 до 3000 над уровнем моря и сохранившие уникальную культуру. Хуф и связанная с ним топонимика встречается и в других местах нынешнего Таджикистана. Например, в Хороге есть местечко, который называется Хуфак, в Раштском районе – село Хуфак, в селе Дерзуд-Барзуд Рушанского района – Рошхуф.

Лингвисты считают, что слово «хуф», происходит из древнеиранского «kaufa» – возвышенность, высокая гора. Современный наш информант учитель, пенсионер, уроженец Хуфа 72-летний Одина Мавлододов сообщил, что слово «хуф» обозначает «высоко, высокое место, место, защищенное от всяких опасностей» (баланди, хилватгох, паногох, чои аз хавфу хатар эмин). Надо объяснить, что во время первой встречи с жителем долины Хуф он представился рушанцем, но разговаривал на хуфском диалекте, в связи с чем исследователь путался. На самом же деле хуфцы тоже относятся к рушанцам, но имеют свой особый рушанский диалект. Но, несмотря на это, именно первый информант М. С. Андреева Гуломшо побудил ученого к тщательному изучению языка и быта таджиков долины Хуф.

Удивительно, что даже сегодня среди хуфцев еще остались представители долины, которые помнят М. С. Андреева, этого замечательного исследователя культуры. С некоторыми из них побеседовал уже упомянутый нами кандидат исторических наук, журналист К. Аламшоев. Его собеседник житель Хуфа по имени Назармавлло в доме его отца, который в 1929 год остановился и работал М. С. Андреев, говорил, что сохранил немало добрых воспоминаний от своих домочадцев об ученом: «Андреев был очень умным, образованным, интересным собеседником и при этом слишком простым человеком. ... Он постоянно находился среди народа, жил с ними и спрашивал их обо всем и записывал в блокноте. Бывало так, что он приглашал к себе стариков и беседовал с ними целыми часами. А по ночам при керосиновой лампе, которую он привез с собой в кишлак, переносил все услышанные рассказы на бумагу. ...»²⁴.

Дом, где во время экспедиции 1943 года остановился, жил и работал М. С. Андреев принадлежал хуфцам по имени Мурадали, от его сына Римак, который тогда был подростком и помнил Михаила Степановича Андреева, но ко сожалению, летом 2019 г. умер. По его словам, М. С. Андреев и его исследовательская команда работали днем и ночью. Сам ученый ежедневно встречался со многими стариками, иногда даже спускался в нижние села, собирал этнографические коллекции. Также до наших дней сохранился дом хуфского кузнеца Мамадназара, с которым он дружил, часто ходил в гости и являлся главным информантом ученого.

Учитель, 84-летний пенсионер Одинабек Кадамов, который во время учёбы в Душанбинском государственном педагогическом институте вовремя переиздания второго выпуска книги М. С. Андреева помогал А. К. Писарчик в уточнении переводов, названий, имен, дат и фактов сказал: «В моем доме после Корана, вторая священная книга – это «Таджики долины Хуф»». Он же Одинабек Кадамов говорит, что «Я почти ежедневно использую эту книгу. Ведь там вековые знания наших предков. Книга подсказывает нам, как жить: содержать скот, заботиться о здоровье, возводить новые постройки и многие другое»²⁵.

В наши дни хуфцы среди населения других регионов Памира, тоже смогли сохранить традиционные, характерные обычаи, обряды и ритуалы своих предков. Например, тот, кто посещает регион, сообщают об их доброте, гостеприимстве, трудолюбии, честности, гордости и т. п. Здесь же сохранены много паломнических мест – *остоны*, ритуалы, обряды и обычаи, связанные с ними, каждый род еще знает свои легенды. Например, уже упомянутый нами современный исследователь культуры Курбониддин Аламшоев во время своих полевых исследованиях слышал много легенд от стариков-хуфцев. Старожилы ему сказали, что их предки имели контакты с мистическими существами²⁶. Но это предмет другого разговора.

Во время наших полевых исследований пенсионер с учительским стажем 72 летний Одина Мавлододов дал информацию, что до сих пор в Хуфе есть мастера, которые несмотря на распространение промышленных товаров занимаются изготовлением своих оригинальных паласов, джурабов, гилемов, даже работают в своих мастерских кузнецы и ювелир. Сохранились также традиционные народный календарь и счет времени среди населения и т. д. Но многие традиции и ремесла, по его мнению, остались записанными только в книге М. С. Андреева. Другой наш информант, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Университета Центральной Азии Сунатулло Джонбобоев сообщил нам, что даже в советское время, в 60-годы руководители колхоза для налаживания работы кузницы колхоза (например, в селе

24 Аламшоев К. Памирские дома русского академика // <http://qurbonalamshoev.tilda.ws/>. Дата обращения 28.11.2019 г.

25 Там же.

26 Там же.

Сохчарв, Шугнанского района) приглашали мастеров из Хуфа. Один из них на его памяти был усто (мастер) Офарида их Верхнего Хуфа.

Сегодня в живых остались очень мало тех уроженцев Хуфа, которые видели М. С. Андреева. Отраднo, и то, что сохранились старые дома, в которых ученый жил и работал в период экспедиции 1929 и 1943 гг. Нынешние хуфцы, по словам К. Аламшоева, к этим домам особо относятся и ценят их как *священное место*, ведь там жил и работал тот ученый, который прославил не только их на весь мир, а также написал энциклопедическую работу по этнографии всего таджикского народа на примере жизни и быта хуфских таджиков. Этим домам, уже свыше 300 лет, притом в них сохранились многие интерьеры, живая старина²⁷.

Таким образом, в конце хотим отметить, что среды громадного по своему размеру и объема научного наследия, не только русских исследователей, но и представителей других государств и народов, которым удалось изучать жизнь и быт таджикского народа, особенно живущих в таких труднодоступных местах, нет аналога уникальному научному наследию Михаила Степановича Андреева. Особенно это касается его книги «Таджики долины Хуф». Наряду с опубликованными работами ученого, еще сохранились многочисленные собранные материалы ученого в различных архивах, которые до сих пор не анализированы и ждут своего часа.

В условиях современных глобальных взаимоотношений существует реальная угроза исчезновения уникальных национальных культур, в том числе ряда ритуалов, обрядов и обычаев памирских таджиков, некоторые из которых уже сегодня исчезли или же находятся на грани исчезновения. По словам самого М. С. Андреева, в 1943 году уже не осталось ничего старого, свидетелем которого он был сам. Сами жители, с которыми мы беседовали, говорят, что то, что зафиксировано в работе М. С. Андреева до наших дней мало сохранилось. Исходя из этого, ценность книги М. С. Андреева прежде всего в том, что она дает всестороннюю информацию по этнографии традиционной культуры таджиков в прошлом. А самого Михаила Степановича Андреева можно смело считать полиматом (энциклопедистом) этнографической науки.

По общепризнанному признанию, научное наследие М. С. Андреева является бесценной и богатейшей сокровищницей, ключом к изучению жизни древних таджиков, оно может служить научным подспорьем при изучении этнографии соседних с таджиками народов, так как многие традиции, ритуалы и обычаи народов Средней Азии очень близки друг к другу. Особенно это явно видно в традиционной жизни узбеков, киргизов, казахов и туркмен, афганцев, кашмирцев и т.д. Как справедливо отмечает Николай Иосифович Конрад, история каждого народа всегда связана с историей его соседа. Таким образом, в истории народов действуют ряд факторов, создаваемых именно общностью исторической жизни²⁸. Например, обычаи, ритуалы, традиции, о которых М. С. Андреев сообщает, сегодня бытуют и среди соседних народов. Например, смысл ритуальных праздников с прыганьем через огонь наблюдается среди всех народов Средней Азии, древнеиранского столетнего периода, предшествующего празднованию Навруза, пословица «Гора с горой не сходится, человек к человеку сойдется» употребляется среди тюркских и других народов. Подобных примеров в работе М. С. Андреева много.

Таким образом, настоящий труд М. С. Андреева уникален тем, что в нём автор привел комплексный материал по этнографии таджиков. Работа М. С. Андреева сообщает и напоминает нам об удивительной культуре жителей высокогорного края, адаптирующихся к этой суровой,

27 Там же.

28 Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. 2-е издание. М., 1972. С. 17.

М. С. Андреев и аспиранты Н. Нурджанов и Р. Амонов. Душанбе, 1948 г.
(Из личного архива Л. Додхудоевой).

но прекрасной по своему, природе. О том, что как люди рождались, жили, творили и с достоинством умирали здесь, среди гор. Данная книга сообщает нам об уникальных методах и особенностях земледелия, скотоводства, торговли, охоты, промысла, добывание железа, изготовление бумаги, составе пищи, структуры домов таджиков Памира, утвари, одежде и костюме горцев, традиционном календаре и счете времени, информирует нынешнее и завтрашнее поколение об играх, жизни на летовках, традиционных праздниках, легендах, сказках и наследия, касающегося материальной и духовной культуры таджикского народа. Ценность книги придают многочисленные рисунки, фото автора и членов его экспедиции. Иными словами, наряду с материальным М. С. Андреев спас духовную культуру горных таджиков от забвения. Книга имеет этнографический и антропологический словарь, который может раскрыть много вопросов в востоковедческой науке в целом.

В конце, думаем, что для увековечения памяти Михаила Степановича Андреева было бы полезно учесть ряд предложений и практических рекомендаций:

1. Поставить памятник ученому и его книге в районном центре Рушанского района, в селе Верхнего Хуфа, где жил и работал М. С. Андреев, а также возле Хуфских ворот в Нижнем Хуфе; Назвать его именем одну школу в Хуфе;
2. Взять под государственную охрану в качестве памятников культуры старые дома в Хуфе, где жил и работал М. С. Андреев;
3. Организовать музея М. С. Андреева в Верхнем Хуфе;
4. Издать избранные сочинения, особенно неопубликованные работы М. С. Андреева и перевести их на таджикский и английский языки;
5. Организовать ежегодные Андреевские чтения по актуальным проблемам этнографии таджикского народа при УЦА и Хорогском государственном университете им. М. Назаршоева;
6. Организовать ежегодные конференции этнографов на базе Института истории, археологии и этнографии имени Ахмад Дониша (в Душанбе) и Института гуманитарных наук Академии Наук Республики Таджикистана им. Академика Б. И. Искандарова в Хороге;
7. Для привлечения туристов организовать туристический и научно-этнографический маршрут в регионе под названием «По дорогам М. С. Андреева».

Список использованных источников и литературы

1. Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев (Научно-биографически очерк). Душанбе: Ирфон, 1973. 224 с.
2. Акрамов Н. М., Акрамова Х. Ф. М. С. Андреев – исследователь истории горных таджиков (на таджикском языке). Душанбе, 1977. – 56 с.
3. Аламшоев К. Памирские дома русского академика // <http://qurbonalamshoev.tilda.ws/>. Дата обращения 28.11.2019 г.
4. Андреев М. С., Половцов А. А. Ишкашим и Вахан. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. СПб, 1911. 41 с.
5. Андреев М. С. «Порс» – «Персы» в верховьях Панджа (из дорожной записи М. С. Андреева. Хорог 6-го августа 1943 г.) // Машинопись. Хранится в Библиотеке академика А. А. Семенова Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан. – 5 л.
6. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Выпуск. I. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1953. 247 с.
7. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Выпуск II. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1958. 522 с.
8. Андреев М. С. Самоопределение Хуфцев // Давыдов А. С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005. С. 120–124.
9. Андреев М. С. «Таджики Верховьев Оксуса (Аму-дарьи). Долина Хуф, быт и язык». 2-е предисловие, предполагаемое к помещению после 1-го, написанного в 1931 г. // Архив академии наук Республики Таджикистан. ВА – ВЕ. Фонд – 1. Опись 2. Связка 8. От № 332 по 337.
10. Бобоева Н. С. От редактора // Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Душанбе, 2002. С. 5-6.
11. Додхудоева Лариса. Научное наследие А. А. Семенова и М. С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. 266 с. (с приложением и иллюстрациями).
12. Додхудоева Л. Н. Личный архив М. С. Андреева в Академии наук Таджикистана // Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России. Материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 2013. С. 91-92.
13. Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. 2-е издание. М., 1972. 496 с.
14. Ланскер О. Л., Решетов А. М., Широкова З. А. Антонина Константиновна Писарчик // Этнографическое обозрение. № 14. М., 1995. С. 174-175.
15. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.). Душанбе, 2002. – 172 с.
16. Сайнаков С. П. Первые этнографические сведения о Памире в русской историографии // Вестник педагогического университета. № 1(50). Душанбе, 2013. С. 143-151.
17. Семенов А. А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. – Т. – I. – № 4. – СПб., 1912. – С. 523-561.
18. Чихачев П. О. О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир // Записки Русского географического общества. Книжка III. СПб., 1849. С. 20-49.

www.ucentralasia.org